

Ш

ЧТО ПОДЕЛЫВАЕТ НАША ВНУТРЕННЯЯ ГЛАСНОСТЬ?

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Друзья мои! мы много жили,
Но мало думали о том,
В какое время мы живем,
Чему свидетелями были?

Припомним, что не без искусства
На грамотность ударил Даль —
И обнаружил много чувства,
И остроумье, и мораль;
Но отразил его Карнович,
И против грамоты один
Теперь остался Беллюстин!⁸⁸

Припомним: Михаил Петрович
Звал Костомарова на бой;
Но диспут вышел неудачен —
И огорчен, уныл и мрачен
Молчит Погодин, как немой!

182

Припомним, что один Громека
Заметно двинул нас вперед,
Что «Русский вестник», к чести века,
Уж издается пятый год...⁸⁹
Что в нем писали Булкин, Ржевский

**Матиль, Григорий Данилевский...⁹⁰
За публицистом публицист
В Москве являлся вдохновенной,
А мы пускали легкий свист
Порой, быть может, дерзновенный...
И мнил: «настала мне беда!»
Кривдой нажившийся мздоимец,
И спал спокойно не всегда,
Схвативши взятку, лихоимец,
И русский пить переставал
От Арзамаса до Украины,
И Кокорев публиковал,
Что есть дела, где нужны тайны.
Но что ж? решить нам не дано,
Насколько двинулись мы точно...
Ах! верно знаем мы одно,
Что в этом мире все непрочно,
Где нам толкаться суждено,
Где нам твердит *memento mori**
Своею смертью «Атеней»,
И ужасает нас Ристори
Грозой разнузданных страстей!⁹¹**

При таком настроении, явно выражающем разочарование, о котором говорено выше, «Свисток» естественно удаляется от решительных приговоров над последними фактами русской гласности и только приводит некоторые из них, чтоб не оставлять своего читателя в неведении о ней.

* Помни о смерти (*лат.*). — *Ред.*

ШЕСТНАДЦАТЬ ГУСЕЙ — ЖЕРТВА НАШЕЙ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Такая уж птица гусь, историческая. Древние гуси Рим спасли⁹², новейшие пали жертвою нашей безграмотности! И вот каким образом. Об этом повествует в «Одесском вестнике» г. Ильминский, имея в виду собственно доказать «необходимость распространения грамотности» («Одесский вестник», 1860, № 130). Статейка его называется «Адвокат».

«Одна девица—дворянка, уроженка Каменец—Подольской губернии, прибыла в г. Одессу и на приобретенные собственными трудами деньги купила на Новой Слободке землянку. Узнав впоследствии о смерти своих родителей в то время, когда братья и сестры ее продали оставшееся имение, а причитавшуюся ей часть оставили покупателю, для удовлетворения ее, лично, она обратилась к соседям с просьбой, чтобы ей указали, к кому можно прибегнуть для ходатайства по ее делу. Спустя несколько дней к ней вошел однажды чиновный человек, отрекомендовавший себя за известнейшего в России адвоката. Он заметил при этом, что слышал от соседей о нужде ее в человеке, который взял бы на себя роль ее ходатая, и так как он вполне сочувствует ее горестному положению, то с живейшим участием готов принять на себя этот труд: репутация же его как адвоката известна не только в России, но даже в целой Европе. На вопрос, где он служит? — откашлявшись и приняв воинственную позу, он отвечал таким образом: «Изволите—с видеть, сударыня, я службу свою начал деньщиком и по прослужении — с 25 лет — получил обер—офицерский чин. Во все время моей службы вел большую адвокатуру—с, и ходатайств моих боятся не только какие ни на есть земские суды, но даже и самые сенаты—с». Обрадовавшись такому сильному адвокату, она, с полной уверенностью в успехе своего дела, поручила ему вести процесс. Он тут же заметил,

что с процентами ей придется получить несколько тысяч, и обязал ее условием по выигрыше дела уплатить ему 570 р. Начало этого дела последовало в августе месяце прошлого года.

183

Спустя два или три дня он зашел к ней и, увидев на дворе 16 собственных ее гусей, попросил тотчас же одного из них зажарить, и когда гусь был готов, то намекнул, что, между прочим, не мешало бы позаимствовать полуштоф водочки. По уничтожении гуся с необходимым дополнением он подал ей счет предстоящим издержкам, добавив, что любит аккуратность. В счете было написано следующее: на прошение 3 р., на пересылку ответа по этому прошению 1 р. 33 к., на запросное отношение к ее братьям и сестрам 1 р. 33 к. и на обратный ответ 1 р. 33 к. Получив эти деньги, он вышел, но чрез 4 дня явился опять, изволил скушать 2-го гуся и выпить 2 полуштофа вина, а уходя, снова взял деньги по следующему счету: на уведомление о процентных деньгах на причитающийся капитал 3 р., за пересылку оттуда денег 1 р. 33 коп., на квитанцию об отсылке и присылке обратно 1 р. Спустя два дня он не замедлил явиться утром и, вследствие просьбы ее — истребовать ей свидетельство на свободное прожитие, — уничтожил 3-го гуся и выпил два полштофа вина. Тогда же он потребовал деньги: на бланк для свидетельства 6 р., за отсылку и присылку из Каменец-Подольска 1 р. 51¹/₂ к., а по известному тяжebному делу дал счет такого содержания: на прошение 1 р., на публикацию, дабы известно было всей России, что она имеет тяжбу, 4 р. 97¹/₄ к., и, получив деньги, сказал при уходе, что дело ее по случаю италийской войны маненько позадержится. Чрез 2 или 3 дня явился и сказал,

что мир заключен и дело ее не за горами, а на понудительное прошение потребовал 1 р. 52¹/₄ к. и, в восторге от скорого успеха, потребовал два гуся, из коих одного съел тут же, а другого, за неимением у ней денег, взял с собой живьем. Спустя несколько дней явился утром и объявил, что дело решено в ее пользу. На радостях он велел зажарить гуся, а сам занялся исчислением процентов на причитающийся капитал и запил эту радостную для нее весть, как он говорил, двойной порцией спиртуозно-жизненного элексира и в заключение всего не замедлил снова потребовать денег, в числе прочей галиматши, на пересылку одного прошения по оптическому телеграфу. Но так как на удовлетворение этих издержек у просительницы не было денег, то он взял остальных 9 гусей живьем, а при уходе вспомнил еще о необходимом расходе на припечатание публикации в сенатских ведомостях о выигрыше ею дела и взял на пополнение этого расхода пух и перья с сожранных им гусей. Потом через несколько дней он явился однажды с самодовольной физиономией и с словами: «Вот оно—с, что значит придворный адвокат—с», — вручил ей свидетельство, будто бы от г. министра финансов, полученное по телеграфу, коим он разрешил получить ей деньги. При этом он с особым значением указал на подпись. Она, действительно, была мудреная и состояла из каких-то иероглифов; самое же свидетельство было написано на гербовом листе 15-ти копеечного достоинства, исписанном сверху до низу повторением одних и тех же слов, а именно: терли, терли, терли... В заключение адвокат сказал, что ему нужны деньги, рублей 30, на последние расходы; а как у ней решительно ничего не было, то она, по его убеждению, продала замлянку и вручила ему следуемые деньги. Таким образом, в 8 посещений адвокат успел заgrabить 16 гусей, пух и перья от 7 из них, около 1/2 ведра вина, 24 р. 80³/₄ к. сер. деньгами и землянку. После

того он водил ее в течение 3-х месяцев по всем присутственным местам. Нередко случалось ей

184

дожидать его до ночи у ворот присутственных мест и со слезами возвращаться потом в квартиру. Это продолжалось до тех пор, пока не прочли ей свидетельство, полученное по телеграфу ее адвокатом, и не убедили в положительном обмане. Это обстоятельство я долгом счел сделать известным для того, чтобы еще раз доказать необходимость распространения грамотности».

Вот сколько бед наделало отсутствие грамотности! Процветай она, и неизвестная девица не лишилась бы последнего имущества, шестнадцать гусей пользовались бы жизнью и неизвестный адвокат (хорош гусь!) не расстроил бы желудка, что неизбежно с ним последовало при таком непомерном истреблении гусей и водки и что — вероятно — вменилось ему в наказание за его проделку! По крайней мере из статейки не видно, чтобы обманщик потерпел какие-либо другие неприятности. Эта статейка с ее моралью может служить хорошим образчиком того, что поделявает наша внутренняя гласность. Подобными фактами наполнены газеты, с припевом, постоянным с некоторого времени: нужна грамотность! Польза грамотности доказывается иногда странным образом. «Г. Георгиевский (сказано в № 266 «Моск. ведом.») сообщает в «Одесском вестнике» слух о том, что славный наш писатель И. С. Тургенев прислал из-за границы в Петербург составленный им проект «Всероссийского общества для распространения в народе образования»⁹³. Вот еще доказательство (говорят «Моск. вед.»), до какой степени всеми чувствуется...» и проч. Что ж тут

удивительного, что Тургенев чувствует пользу грамотности? Читая эту фразу, иной, пожалуй, подумает, что он когда-нибудь чувствовал противное. Нужно ли говорить, что знаменитый наш романист никогда не разделял мнения гг. Даля, Бланка⁹⁴ и Беллюстина?

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАННОСТИ В КАМЫШИНЕ

по свидетельству г. Карпова⁹⁵.

«К а м ы ш и н. (Саратовской губ.), 16–го ноября. В № 234–м «Московских ведомостей» напечатано письмо, в котором говорится, будто в Камышине еще с 1820 года существует публичная библиотека. Это известие крайне удивило нас, потому что мы, жители Камышина, никогда и не слышали о существовании этой библиотеки, не знаем, где она находится, кто ею заведует и в каком она теперь положении. Впрочем, хоть и прискорбно, а надо признаться, что жители Камышина не имеют надобности в библиотеке, ибо не имеют никакого интереса к чтению. Нравственная сторона нашей молодежи развита очень мало, и, конечно, не их надо винить в этом, а их отцов, которые не понимают важности образования. Такое равнодушие к духовным интересам особенно странно встретить у нас, потому что городское общество вполне обеспечено в материальном отношении и могло бы уделить излишек своих средств на воспитание молодого поколения. А это делают очень редкие. Чтение книг не духовного содержания считается

многими делом безнравственности. О развитии у нас чтения можно судить по тому, что 250 купеческих домов выписывают в нынешнем году только 2 экземпляра «С.-Петербургских ведомостей», 1 экз. «Московских ведомостей», 2 экз. «Искры»,

185

2 экз. «Семейного листка» — не модного журнала. Везде открывают училища, заботятся о народном просвещении, а у нас об этом и помину нет. Кажется, что если бы кто-нибудь и предложил открыть хоть женское училище, то поднял бы против себя целую бурю и потерял бы репутацию *степенного* человека. Грамотность для женщины почитается многими не только лишнею, но и вредною».

Вот так сторонушка! Как видно, камышинцы действуют начистоту: *запил — и двери запер*, по русской пословице. Зато мы теперь знаем, *что* прежде всего напишут они, когда научатся писать: это без сомнения будет благодарственный адрес гг. Далю, Бланку, Беллюстину и другим подобным, которые еще придут: по приблизительному исчислению, в России появляется в год по крайней мере по два печатных противника грамотности (а сколько таких, которые печатно не заявляются!), да притом, как известно, год на год не приходит. Нет, советуем камышинцам поторопиться, а то писание адреса составит труд, с которым не справятся юные начинающие грамотеи!

МАЛЬЧИК–С–ПАЛЬЧИК, ИЛИ КРАСНОРЕЧИВЫЕ ПРОТИВНИКИ⁹⁶

Утешеньем в том, что у нас много людей безграмотных, много противников грамотности, — да послужит нам то, что у нас много также людей красноречивых и что красноречивые люди наши являются не в литературе, где, казалось бы, им всего естественнее являться, а в других сферах... в каких именно сферах, читатель сейчас увидит.

В «Московских ведомостях» № 228 было напечатано:

«На прошедшей неделе, в субботу, 15 числа, в полночь, проходя по Тверской улице вместе с моим знакомым, я услышал продолжительный, раздирающий душу детский плач, как будто бы над ребенком совершали какую–нибудь болезненную операцию.

Ночь была холодная, воздух сырой с изморозью, проникающий до костей даже сквозь ваточное пальто. Когда мы проворно подбежали к тому месту, откуда слышался плач, то увидели бегущего ребенка 7 или 8 лет, полураздетого, без сапог, с тремя калачами на руке. С сдержанным рыданием, подпрыгивая от холода, он объяснил мне на мои распросы, что он очень озяб, что у него щиплет и режет ноги, что послал его за калачами хозяин, портной Поппе, у которого он живет в учении. Вслед за ребенком я вошел в мастерскую Поппе, но мастеровые, узнав о причине моего прихода, не вызывали ко мне хозяина. На другой день мальчик был им прогнан. Этот глубоко возмутительный, бесчеловечный факт в настоящее время, при усиленном старании правительства к улучшению быта ремесленников, мне кажется, заслуживает огласки».

Подписано: «Москва, 20 октября. *Е. Пациентов*».

Прочитав статейку, трудно было удержаться, чтоб не сказать, что г. Пациентов хорошо пишет, но впоследствии оказалось, что портной Поппе пишет лучше!

186

Формальным следствием раскрыто, что мальчик, встреченный г. Пациентовым, у портного Поппе в учениках никогда не жил. Он только ходил, по знакомству, к ученику, жившему у Поппе. Таким образом, Поппе оказался совершенно невинным как в дурном одеянии мальчика, так и в ночных его странствованиях за калачами, и написал, в свою очередь, следующее:

«Статья г. Пациентова имела для меня чрезвычайно неприятные последствия: меня требовали в ремесленную управу, требовали в полицию, производили дознания о том, в чем я был так же невинен, как и г. Пациентов или всякий другой; я должен был отвлекаться от работы, упустил заказы, манкировал срочными делами, беспокоился за свой кредит, за участь моего заведения, едва открытого; родные мои беспокоились обо мне, знакомые справлялись о моем деле, родители и родственники мальчиков, может быть уже решавшиеся отдать их мне в ученье, не решались на это; обо мне говорили в Москве с недоверчивостью и, вероятно, с чрезвычайно обидными для личности моей прибавлениями» — и проч. и проч. и проч.

Не оспаривая (прибавляет г. Поппе), что г. Пациентов одарен гуманностью в достаточном количестве, а может быть и литературными способностями в количестве громадном или сомнительном, о чем судить не могу, — я тем не менее присутствию ремесленной управы объяснить честь имею, что считаю поступок г. Пациентова оскорбительным для моей чести и вредным для моего

кредита и прошу дать делу сему гласность и законный ход, при чем присовокупляю, что никакого материального вознаграждения со стороны г. Пациентова получить не желаю».

Ремесленная управа напечатала в удовлетворение г. Поппе весь ход дела. Таким образом, нам остается только литературная сторона его, и мы охотно свидетельствуем, что соперники не уступили друг другу в красноречии.